

Глава 34. Не одинок.

Сирин бросился на пол, потому что если уж его собирались раздавить насмерть, то это должно было произойти в удобной позе. Именно в этот тихий момент уныния он заметил одну деталь, которую совершенно не замечал в себе - одеяние, ужас, в который он был одет! Он был одет в облачение жреца, стандартный наряд для кого-то из храма Эос, не меньше. Какая ирония!

Что это говорило о Сирине? Было ли это отражением его желания заменить Лиллит в качестве источника силы Роуэна в будущем? Он был на мгновение ошеломлен тем, что, возможно, стало ужасающим откровением о нем самом.

«Антимаг...», - Сирин растерялся.

Он собирался спросить Артемуса, почему этот человек выглядит так же, как и вне шкатулки. Разве у него нет секретов? Желаний? Неужели он такой скучный? За спокойным фасадом Сирина замаячило ощущение тревоги.

Подняв брови, антимаг наконец решился заговорить с человеком, у которого было глупое выражение лица: «Скажи мне, что ты делал до того, как появился в шкатулке-головоломке?»

«Не скажу».

«Если ты оставил после себя опасную ситуацию, я должен знать», - ответ Артемуса был резким и отрывистым. Тот факт, что Сирина обменяли, означал, что ребенок находится либо в другой темнице, либо где-то в мире, откуда забрали этого незнакомца. Ни одна из этих возможностей не устраивала взволнованного профессора.

Замолкать было не так весело, как забавляться с Артемусом, рассудил Сирин.

«О да, я был в постели с двумя красотками, готовыми умереть маленькой смертью, несколько раз за ночь. Должно быть, парень развлекается».

И тут в бесстрастной маске профессора появилась трещина. Сирин попытался прощупать эту трещину: «Значит, он твой брат? Ты, должно быть, расстроен тем, что твой брат потерял девственность раньше тебя».

Обсидиановые глаза Артемуса впились в лицо Сирина, опасно мигая, решая, хочет ли он убить назойливое существо, испытывающее его уже измученное терпение.

«Воистину, такой хладнокровный человек, как ты, ничего не знает о плотских утехах».

У самого Сирина не было никакого опыта в этом деле. Повинуясь своему хозяину, убивая людей, проводя эксперименты, а затем запертый Роуэном, жалкий повелитель демонов был всего лишь старым девственником, и не по своей воле.

Сирин принадлежавший Траксдарту, был бриллиантом, который сам Император отшлифовал до блеска. Император демонов получал огромное удовольствие, наблюдая за тем, как Сирин превращается в ангела смерти, от красоты которого захватывало дух. Его чистый и непорочный олененок, незапятнанный и просто идеально сладкий для того момента, когда Траксдарт сочтет его готовым к употреблению. Вот только Сирин ушел и попал в плен к Роуэну. Годы целомудрия последовали за тем, как он стал обитать в Ледяной башне. Мог ли кто-нибудь винить Сирина? Он и в этой жизни не хотел оставаться девственником.

«Черт», - это ругательство вылетело изо рта Сирина, когда он наблюдал, как сфера продолжает уменьшаться. Кто бы из идиотов ни пытался решить эту головоломку, ему нужно было вытащить голову из задницы и перестать совершать ошибки. Сирин отказывался думать об альтернативе.

Артемус почувствовал, как стекло, уменьшаясь, пронеслось над его головой. Чтобы избежать этого, он грациозно опустил на пол и закрыл глаза, не обращая внимания на то, как Сирин наблюдает за ним сквозь тяжелые веки. Столкнуться с таким несчастьем в тот самый день, когда ему вернули право на жизнь, - кто может быть более жалок?

«Антимаг, если нам суждено умереть, мы могли бы и повеселиться», - жеманно предложил Сирин. В его намерения не входило, чтобы что-то произошло - просто небольшое безобидное поддразнивание, которое обеспечит ему столь необходимое развлечение, которое Артемус задолжал ему вместо платы за лечение.

Антимаг уже открыл глаза и смотрел на Сирина с многострадальным терпением.

«Ты когда-нибудь затыкаешься?» - мягко спросил он.

Пользуясь преимуществами своего великолепного лица, Сирин посмотрел на него сквозь длинные ресницы: «Да, когда у меня чем-то занят рот».

Тишина, последовавшая за этим намеком Сирина, едва уловимо отражала его смущение. Дойдя до этого момента, Сирин стал трусом. Однако он перешел черту и решил продолжить натиск, чтобы посмотреть, как далеко он сможет зайти, если профессор будет терпелив. А если Артемус решит избить его, это будет то, что отвлечет его от мыслей о предстоящей смерти.

«Часть меня все еще верит, что есть вероятность того, что ты - тот ребенок, с которым меня втянули сюда. Я был бы признателен, если бы ты попридержал язык».

Тонко завуалированная угроза. Сирин решил приложить максимум усилий, чтобы убрать это маленькое убеждение, все еще живущее в сердце его профессора. Артемус даже не представлял, как легко он это делает для Сирина.

«Придержать мой язык на случай чего? - и улыбка, которую он послал Артемусу, прямо-таки сочилась соблазнительностью. - Высказывай свои желания!»

Сирин быстро прикрыл свой промах.

На этот раз промежуток между движением сферы сократился. Стекло съело еще больше дюймов пространства в их постоянно сужающейся темнице. Теперь кончики их ног соприкасались. Не имея возможности стоять, Артемус смирился с неизбежной участью быть раздавленным извращенным жрецом, на лице которого начало появляться стеклянное выражение.

Паника. Клаустрофобия. Наблюдательные черные глаза оценивали Сирина.

«На что ты смотришь?» - вырвалось у него рычание.

Сирин вспомнил свой последний опыт мучений внутри шкатулки-головоломки. Стены смыкались вокруг него, пожирая пространство, воздух - высасывая дыхание из легких. Бежать было некуда, выхода не было. Дрожащими руками он ударил себя по лицу со свирепостью, от которой щеки покраснели. Сирин не был готов к тому, чтобы спуститься на землю хнычущим

трусом.

«Если ты хочешь, я могу прекратить эти страдания», – предложил Артемус с торжественным спокойствием. Как мужчина оставался невозмутимым даже в этот момент - Сирина готов был отдать руку за эту собранность. Артемус предлагал убить его быстро, алхимик мучительно гадал, как он этого добьется.

«Быстро и легко?» – спросил он.

«Быстро»

Нелегко, даже для охотника на магов, на чьих запятнанных кровью руках остались обиды всех магов-изгоев и колдунов, которых он когда-либо выслеживал.

«И оставить тебя наедине с моим трупом? Кто знает, что ты можешь сделать с моим прекрасным телом», – Сирина насмеялся, и даже ему самому было противно от слов, которые произвольно срывались с его губ.

«Ты тщеславное создание», – Артемус ответил тем, что можно было бы назвать закатыванием глаз, самым медленным, которое Сирина когда-либо видел.

«Посмотри на меня, антимаг, посмотри на это, - Сирина просунул свое лицо в пространство Артемуса, пока их носы почти не соприкоснулись, – если мне не позволено проявлять тщеславие, то кому тогда можно?»

Сирина чувствовал, как его собственное сердце бьется с бешеной скоростью, перекачивая кровь в его охваченный паникой мозг. Он проклял Траксдарта и пообещал себе отомстить, если когда-нибудь выберется из этой головоломки.

Антимаг положил руку на грудь Сирина и мягко, но решительно оттолкнул его.

«Тебе нужно дышать, – голос Артемуса напоминал спокойные тона Альки, – сосредоточься на своем дыхании. Я буду считать до десяти - дыши вместе со мной».

Сирина внутренне отсчитывал вместе с Артемусом, делая глубокие вдохи с каждой цифрой. Запах чернил наполнил его легкие, и Сирина почувствовал некоторое спокойствие.

Стеклянная сфера снова беззвучно изменилась. Широко раскрыв глаза, Сирина приготовился к тому, что Артемус будет вынужден нависнуть над ним в стремительно уменьшающемся пространстве. Антимаг неловко расположился на коленях между раздвинутыми коленями Сирина, их груди были всего в нескольких дюймах друг от друга.

«Можешь, - сглотнув, проговорил Сирина, - можешь посчитать еще раз?» – паника вырывалась на поверхность, как расплавленная лава, обжигая дыхательные пути и лишая его связанных мыслей. Но, по крайней мере, на этот раз он был не один.

Сирина утопал в океане, а Артемус был единственным пузырьком воздуха, за которым он мог потянуться. Темные глаза, буравящие его радужку цвета индиго, отражались на бледном лице, умоляющем о спасательном круге. Он ненавидел то, каким отчаянным и жалким он выглядел.

И словно внезапный сильный прилив, выбивший его из равновесия, Артемус опустил голову и сомкнул пространство между их губами. Сирина задышался во рту антимага, но вкус Артемуса был дымным и горячим, и все мысли о том, чтобы оттолкнуть его, были смыты ароматом

чернил, который сосредоточил его на этом моменте - на ощущении приятной одышки, и прежде чем оно успело исчезнуть, Сирина поцеловал Артемуса в ответ.

Его руки обвили вокруг шеи антимага, скользнули по шелковистым волосам, прижимаясь к твердому телу, прижатому к телу Сирина. Тепло, исходившее изо рта Артемуса, было таким же неутолимимым, как и язык, раздвигавший его губы. В этот момент какая-то часть сознания Сирина пришла к двум выводам: во-первых, Артемус, а не хладнокровный Артемус, обладал ртом, о котором каждый ответственный взрослый предупреждал своих детей, а во-вторых, зелье действовало, если повышение температуры тела было хоть каким-то признаком.

Жаркий поцелуй длился всего несколько секунд, когда Артемус отстранился, и на его губы прилипла капелька влаги. У обоих перехватило дыхание, и Артемус позволил своей голове прижаться к груди Сирина. Если уж на то пошло, приступ паники Сирина унесся в лес.

«Спасибо», - Сирина глубоко вздохнул. Было очевидно, почему антимаг поцеловал его. Это была всего лишь мера доброты, чтобы утешить его в последние минуты жизни.

Артемус поднял голову и медленно посмотрел на запыхавшегося Сирина: «Ты ведь и правда не Сирина, правда?»

Совесть профессора вновь заявила о себе. Если Артемус умирает, он мог бы позволить ему уйти из жизни, не зная, что он завладел ртом его дорогого ученика, Сирина мог бы позволить ему это.

«Сирина? Это имя того парня, о котором ты говорил?»

Стекло снова пришло в движение, и Сирина застыл на месте, наблюдая, как прозрачная поверхность вдавливается в спину Артемуса, сжимая их обоих вместе. Знакомые лица - рыжие волосы, светлые локоны, ленивая ухмылка и зеленые глаза - проплывали в затуманенном сознании Сирина. С низким рыком разочарования Сирина вцепился испуганному Артемусу в воротник и сжал их губы в болезненном поцелуе, в котором было не столько страсти, сколько отчаяния, выплеска чувств. Сирина не смог примириться с этой смертью.

<http://bllate.org/book/14251/1259482>